

Упоров Иван Владимирович

Uporov Ivan Vladimirovich

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России

D.Phil. in History,
PhD in Law, Professor,
Constitutional and Administrative Law Department,
Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II: СОДЕРЖАНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

CIVIL PROCESS IN THE ERA OF CATHERINE II: THE CONTENT AND LEGISLATIVE REGULATION

Аннотация:

В статье раскрываются особенности гражданско-процессуального права в годы правления Екатерины II, которое в этот период получило значительный импульс в своем развитии, что во многом объясняется увлечением императрицы либеральными европейскими идеями, а также определенной интенсификацией экономических отношений в империи, предполагавших усиление судебной защиты прав собственников. Анализируются нормы как специальных актов (указ «О правилах производства апелляционных дел» 1762 г. и др.), так и общих законов («Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и др.), регулировавших различные аспекты порядка рассмотрения гражданских дел, и прежде всего имущественных споров. Отмечается, что гражданский процесс приобрел более определенные формы. Кроме того, несмотря на абсолютистский режим и сословность российского общества, наблюдалась тенденция превалирования равной гражданско-правовой ответственности участников гражданских дел.

Ключевые слова:

гражданский процесс, Екатерина II, законодательство, указ, суд, имущественный спор, доказательство, устав, купечество.

Summary:

The article reveals the features of civil procedural law in the reign of Catherine II that received a significant boost in its development during this period. This fact can be explained by the Empress's enthusiasm for European liberal ideas as well as a particular intensification of economic relations in the Empire, intended for the increased judicial protection of ownership rights. The author analyzes the standards of both special acts (Decree on the Rules of Appellate Procedure of 1762) and general laws (Institutions for Adminstrating the Provinces of the Russian Empire of 1775) regulating the various aspects of legal proceedings, first and foremost, the property disputes. The study notes that the civil process became more definite. In addition, despite the absolutist regime and the class nature of Russian society, there was a tendency to prevail in the equal civil liability of the participants of civil proceedings.

Keywords:

civil process, Catherine II, legislation, decree, court, property dispute, evidence, charter, merchant class.

Гражданское процессуальное законодательство в истории России имело противоречивое развитие, во всяком случае, периоды его активизации не всегда совпадали с общепринятыми позитивными для российской государственности этапами. Так, в период правления Петра I данная отрасль законодательства не была обогащена новыми «прорывными» законами – это было сделано уже в постпетровское время с принятием, в частности, Устава о таможенном суде (1727) и Вексельного устава (1729). А вот в годы правления Екатерины II гражданский процесс получил значительный импульс в своем развитии, особенно заметный на фоне определенного застоя в этой сфере общественных отношений в предшествовавшие 1740–1750-е гг. В определенной степени указанный импульс можно объяснить, очевидно, увлечением императрицы либеральными европейскими идеями, предполагающими правовую защиту собственности, в том числе в случаях нарушений договорных отношений. Такой подход способствовал повышению общей культуры российского общества, на что обращали внимание и зарубежные авторы [1].

Разумеется, в условиях российского абсолютизма второй половины XVIII в. не следует переоценивать любые реформы, в том числе в области судопроизводства, тем более что, например, уголовный процесс не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Тем не менее гражданское судопроизводство заслуживает исследовательского внимания. Прежде всего здесь следует говорить о тех правовых актах, которые в той или иной степени развивали гражданско-процессуальное законодательство, которое в своей основе регулировало порядок рассмотрения судами имущественных споров. В первую очередь речь идет о спорах хозяйствующих субъектов, что обусловлено ускоренным развитием производственных отношений в России того времени. В данном контексте можно указать, например, на одобренный Екатериной Устав вольного экономического

общества от 31 октября 1765 г., предусматривавший, в частности, проведение научных исследований в экономике. При этом члены общества могли привлекаться к решению конкретных имущественных споров. Так, в п. 6 гл. IV Устава указывалось: «Когда случатся важные дела, требующие тончайшего рассмотрения, то от Собрания назначается особливая из нескольких Членов состоящая комиссия, которая, по окончании того рассмотрения, представляет собранию свое мнение» [2].

В свою очередь, расширение и интенсификация экономических отношений требовали изменения условий приобретения статуса представителей купеческого сословия, которым скорое и, главное, справедливое решение имущественных споров было нужно более всего. Соответственно, практика требовала четких правовых норм, регулирующих рассмотрение таких споров. Откликаясь на эти социально-экономические запросы, уже в самом начале своего правления Екатерина II издала ряд указов, регулирующих различные процессуальные аспекты гражданского судопроизводства. Речь шла пока об отдельных процессуальных вопросах (более масштабные правовые акты стали появляться лишь в середине 1770-х гг.). Так, 30 июля 1762 г. был издан Указ о правилах производства апелляционных дел [3]. Здесь, в частности, отмечалось, что «немало затруднения челобитчикам и при переносе во апелляцию дел происходит, потому что всякой проситель, кто будучи не доволен нижнего правительства решением, должен, во-первых, во апелляции подать челобитье, ожидать на то определения и потом о присылке дела указа, в чем происходит напрасное же продолжение время к единственному токмо отягощению просителей. То дабы и в сем случае прекратить производящее затруднение, высочайше повелеваем: отныне впредь, когда где какое дело решено будет, и протокол подписан, то оной тотчас как истцу, так и ответчику объявить и, списав, за скрепою секретарскою обоим им дать копии, объявляя при том, что естли кто из них решением не доволен, тот бы под делом подписал, не продолжая более трех дней, а по крайней мере, недели, что будет бить челом в вышнем над оным правительстве о апелляции...». Этим правовым актом, как видно, сделана попытка упорядочить определенным образом апелляционное производство. И по своей сути введенный тогда институт апелляции сохраняется до нашего времени.

Представляет интерес принятый спустя четыре года правовой акт (Инструкция), где указывается, что при словесном правосудии надлежит поступать по Уложению, Вексельному и Таможенному уставам, по императорским указам и при этом «наблюдать накрепко, чтобы всякия в словесных судах дела решены были по законам, в самую сущую правду по присяжной должности» [4]. Инструкция содержала ряд процессуальных положений. Так, в разделе 6 указывалось: «По партикулярным письмам, и по записным купеческим книгам, так и в бесписьменных торговых их делах суд производить и разбирательство чинить кратко на словах по одним предъявленным к тому разбирательству письмам, и по записным купеческим книгам, и счетам». Как и прежде, купеческие книги и счета представлялись серьезными доказательствами при разбирательстве имущественных, в том числе торговых, споров. Далее предписывалось, чтобы «те счета и разбирательства с журнальною запискою справедливым просителям во удовольствие чинить, не продолжая далее осьми дней; вследствие чего, когда кто по разбирательству будет обвинен платежем, то тотчас требовать платежа; и буде в восемь дней обвиненный не заплатит, то таковых, равно и тех, по которым за какими препятствиями разобрание без письменного производства учинить не можно, таковых при репортах для содержания под караулом и взыскания из имения их состоящей претензии отсылать в магистраты и ратуши, потому что в конфискации и продаже имения производить следует письменным порядком, и в тех магистратах и ратушах; а до словесных судов оное не касается, и потому в письменное производство и в разобрание споров словесным судам отнюдь не вступать» [5]. Важно здесь подчеркнуть, что решения словесных судов могли исполнять в принудительном порядке строго государственные учреждения.

Инструкция достаточно подробно регулировала вопрос о неисполнении обязательств по векселям: «Ежели от купцов на купцов же и других чинов людей, тако ж равномерно и от разночинцов на купцов в словесных судах объявляемы будут вексели для взыскания по оным денег, то оные в тех словесных судах принимать; а векследавцев немедленно сыскивать, и по объявленным на них векселям требовать заплаты, и буде покажут, что они платить должны, то объявлять им, чтоб в три дни заимодавцам заплатили; а ежели в три дни не заплатят, то от таких взять подписки у заимодавцев, что они отсрочивают, и буде которые своим должникам не отсрочат, тех и при них вексели и протесты, равно и таковых, кои будут приносить по объявленным на них векселям какия-либо отговорки и споры, что они по них платить не должны, не принимая от них письменных справедливостей, а только записав в настольной журнал их показание, отсылать при репортах в магистраты и ратуши; а тех должников, на коих заимодавцы возьмут терпение, и о том подпишут отсрочку, таковых до того времени освобождать тех же чисел. Сию отсылку в магистраты и ратуши должников и освобождение наистрожайше запрещается далее трех дней не продолжать, чтоб узаконенной в Вексельном уставе осмидневной срок магистраты и ратуши могли за неплатеж имения и товары заарестовать, а на недвижимое в письме крепостей запрещений заимодавцам, в силу

того же Вексельного устава удовольствие чинить, что все уже требует письменного производства; то потому и следует быть в производстве в магистратах и ратушах, а не в словесных судах» [6].

При регулировании процессуальных аспектов разбирательства законодатель особые привилегии давал представителям высших сословий, которые являлись должниками перед купцами. Тем не менее учтивость к знатым особам не освобождала последних от гражданско-правовой ответственности. При отсутствии достаточных доказательств законодатель разрешал обращаться к старинному обряду: «Буде же по случающимся прозьям между купечеством и другими людьми с купечеством же по самой необходимости принадлежать будет кому дать веру, и будут же дела такие, на которых никакого свидетельства не окажется, и рознять без веры никакими окрестностями будет не можно, то в таком случае поступать по точной силе Соборного Уложения 14 главы («О крестном целовании». – *Примеч. авт.*), а самим выборным к вере в словесных судах отнюдь не приводить». Кроме того, предусматривались меры защиты ответчика против необоснованных исков: «Ежели которые истцы, в скасках своих записав в словесных судах на кого свои прозьябы, и по тем прозьябам ответчики сысканы и в словесных судах задержаны будут, а истцы после сыску их о разбирательстве своих прозьяб у выборных чрез восемь дней не будут, и сами они или поверенные от них ходить за тем не станут, таковых колодников, ежели они на те прозьябы какие объявят споры до объявления заимодавцов или поверенных от них со обязательством в платеже поруками освободить, дабы чрез сие пресечь как недельные и затейные прозьябы». Следует заметить, что рассмотренная Инструкция была тем процессуальным актом, в котором за все правление Екатерины II наибольшее внимание уделялось рассмотрению хозяйственных споров.

В таком крупнейшем акте екатерининской эпохи, как «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. [7], некоторым образом регулировались не только вопросы судебного устройства, но и процедуры судебного рассмотрения гражданских дел. При этом процедура рассмотрения гражданских дел по сравнению с предшествующим законодательством изменилась незначительно. Так, стал использоваться жребий для выбора основного докладчика по делу; после такого доклада должны были начинаться прения («мнения»). В этом законе предусматривался порядок голосования чинов, внесение разногласий в «особенный протокол», при этом споры хозяйствующих субъектов законодатель выделяет в качестве одних из наиболее важных («дела о контрактах и о купчих», в немалой степени к такой категории дел относились и «дела должников»). Кроме того, гражданские дела, по которым цена иска была ниже 25 р., решались в магистратах окончательно, и перенос дела в следующую инстанцию запрещался; однако иски на большую сумму могли быть обжалованы [8, с. 38]. В столицах судебные функции магистратов выполняли надворные суды. Магистраты или ратуши при рассмотрении торговых дел являлись, по сути, второй инстанцией, поскольку и словесные, и таможенные суды подчинялись им. Апелляционной инстанцией для городских судов был губернский магистрат, куда входили два председателя и шесть заседателей. Первые назначались Сенатом (кандидатуры представляло губернское правление), а вторые каждые три года избирались из купцов и мещан губернского города.

Данное обстоятельство (выбор судей из числа купцов) свидетельствует о том, что эта категория лиц уже особо выделялась и наделялась законодателем определенным доверием. При этом в Учреждениях отсутствовали нормы о правилах выбора таких судей. Очевидно, это делалось в соответствии с Указом от 11 декабря 1773 г., несмотря на отсутствие ссылки на него в Учреждениях. Согласно этому Указу, предписывалось «проторговавшихся купцов и банкротов, а тем меньше в преступлениях бывших, или еще и штрафованных, не токмо не выбирать, но и к выбору не допускать», а также «во всех губернских и провинциальных магистратах и городских ратушах выбирать судей в присутствии губернаторов, воевод и прежних магистратских и ратушских членов» [9]. Такой подход свидетельствовал о понимании законодателем важности вопроса о формировании судейского корпуса.

При этом решения по хозяйственным спорам, определенные нижней расправой, могли быть обжалованы в верхней расправе (ст. 359 Учреждений). Однако законодатель не ограничивался созданием официальных государственных судов, куда тяжущиеся стороны могли обращаться за разрешением конфликта, – предусмотрен был также «словесный суд».

Согласно Указу от 2 апреля 1781 г., в словесном суде заседали один словесный судья и двое выборных, которые «избираются по балам в каждой части в начале всякаго года мещанством и купечеством из между себя» по правилам, указанным в Учреждениях для управления губерний, на которые в данном указе имеются несколько ссылок. Словесному суду предписывалось «словесно разбирать по словесной прозьебе гражданския дела ниже 25 р.» [10]. Важно отметить, что законодатель при более детальном регулировании порядка отправления правосудия ссылается не только на Учреждения для управления губерний, но и на Соборное уложение и иные указы. По получении иска суд должен был без промедления вызвать ответчика: «по словесным прозьябам звать к суду, сообщая словесно начальнику или приставу в той части города, дабы по учиненной им повестке ответчик явился не далее, как на другой день, кроме воскресных

и праздничных дней». Так же быстро суд должен был и решать дело по существу. При этом справки словесным судам «имеют требованы быть на словах в той же части, а из другой показанием дневной записки; до справок же в другом городе или уезде словесному суду дела нет». Как видно, ограничения в части представления доказательств были достаточно существенны. Свое решение словесный суд сообщал «в дневной записке своей частному начальнику, или приставу, дабы оно исполнено быть могло». Если какая-либо из сторон оставалась неудовлетворенной решением словесного суда, то «может отзыв свой пред сим судом учинить, а словесный суд, по внесении того в дневной своей записке, тотчас должен объявить тяжущимся, что ему до них дела нет и что они могут бить челом, где по закону надлежит» [11].

В организации своей деятельности словесный суд был тесно связан с государственными органами, причем в такой степени, что назвать его корпоративным (купеческим, например) нет оснований. Эффективность такого суда в связи с этим существенно снижалась.

Помимо «словесного суда», действовал также «совестный суд» (ему посвящена отдельная XXVI глава Учреждений для управления губерний), основной функцией которого по гражданским делам было примирение сторон, однако для гражданского процесса этот суд менее значим [12, с. 30].

Наличие различных судебных структур и одновременное действие Учреждений для управления губерний и иных актов второй половины XVIII в., Соборного уложения 1649 г., ряда петровских законов (которые, не будучи собранными в единый документ, нередко противоречили друг другу) существенно осложняли правоприменительную практику по разрешению имущественных споров. Для снятия противоречий законодатель вынужден был издавать специальные разъяснения. В частности, в резолюциях на доклады смоленского генерал-губернатора Репнина 1778 г. давалось толкование вопросу о сроках обжалования решения суда. Указывалось: «По сему исполнять надлежит по мнению палаты, понеже исходит оное из узаконений высочайшего Учреждения о наместничествах и апелляционного указа, кроме того, чтоб копий не давать с таких дел, которых по цене перенос запрещается, потому что нигде не запрещено списывать и давать копии, не только с решения судебных мест по их объявлению, но и со всех дел; решения ж, быв объявляемы при открытых дверях публично, и должны быть публичны и исполнять» [13]. Такого рода разъяснений было немало, что еще более усложняло правоприменительный процесс, поскольку огромное количество ссылок в разъяснениях затрудняло целостное восприятие сути правовых норм. Вместе с тем более подробная регламентация способствовала укреплению законности в сфере гражданского судопроизводства того времени.

Ссылки:

1. Catherine the Great and Gustav III / ed. by M. Olausson. Stockholm, 1999. P. 119, 263, 267.
2. Устав Вольного экономического общества от 31 окт. 1765 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание первое. № 12502.
3. О правилах производства апелляционных дел : указ Екатерины II от 30 июля 1762 г. // Там же. № 11629.
4. Инструкция с указом из Московского магистрата словесному суду, в котором определяемые из купечества выборные имеют поступать по нижеследующим пунктам от 10 авг. 1766 г. // Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. С. 894–901.
5. Там же.
6. Там же.
7. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 нояб. 1775 г. // ПСЗ РИ. Собрание первое. № 14392.
8. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : монография. М., 2012. 200 с.
9. О правилах выбора судей в магистраты и ратуши : сенатский указ от 11 дек. 1773 г. // ПСЗ РИ. Собрание первое. № 14079.
10. О должности словесных судов : указ Екатерины II от 2 апр. 1781 г. // Там же. № 15146.
11. Там же.
12. Лонская С.В. Миротворение императорской России: идеи и аналоги (XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 9. С. 25–33.
13. Высочайшие резолюции на докладные пункты смоленского генерал-губернатора князя Репнина 1778 г. // ПСЗ РИ. Собрание первое. № 14829.

References:

Glazkova, ME 2012, *The European standards of administration of justice in the Russian arbitration process*, monograph, Moscow, 200 p., (in Russian).

'Instruction with a decree from the Moscow Magistrate to the verbal court, in which the electors, who are determined from the merchant class, are to act according to the following paragraphs dated August 10, 1766' 2001, *Zakonodatel'stvo Yekateriny II*, vol. 2, Moscow, pp. 894-901, (in Russian).

Lonskaya, SV 2009, 'A justice of the peace in the Imperial Russia: ideas and analogues (18th – the first half of the 19th centuries)', *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, no. 9, pp. 25-33. <https://doi.org/10.5922/2223-2095-2009-9-3>.

Olausson, M (ed.) 1999, *Catherine the Great and Gustav III*, Stockholm, pp. 119, 263, 267.